

По страницам Словаря русских говоров Приамурья

ПРЕСТОЛЬНЫЕ ПРАЗДНИКИ

© В.К. ПРИХОДЬКО,
кандидат филологических наук

Специфика христианских праздников рассматривается автором через призму восприятия и религиозных чувств диалектной личности. Описание эмоционально-чувственного мира жителей Приамурья сочетается с этнографическими сведениями (обычай, одежда, кушанья, традиционный сценарий празднования).

Ключевые слова: семантика, диалект, русские говоры Приамурья, эмоция, чувство, престольные праздники, эмотивные коннотации.

В результате активного заселения Дальнего Востока со второй половины XIX века сложился уникальный говор с сильной русской составляющей, с доминирующими севернорусскими чертами. Словарь русских говоров Приамурья, созданный силами ученых-филологов Хабаровска и Благовещенска по результатам диалектологических практик с 1964 года, насчитывает свыше 7000 слов и выражений переселенцев из Забайкалья и других разных территорий России, Белоруссии, Украины. В Словаре отражаются материальные и культурные ценности переселенцев, психология, мировоззрение, верования, обряды [1]. Внимание привлекают лексемы, которые называют те или иные православные праздники и содержат при этом эмотивные коннотации, т.е. добавочные значения к основной семантике слова или фразеологизма. Это некая эмоциональная реакция, или, как выразилась В.Н. Телия, «некий эмоциональный “след”», точнее психическое напряжение с установками на одобрение

или неодобрение, сложившееся в условиях определенной культуры и испытываемое к какому-либо образу [2].

Например, лексическое значение христианского праздника «Пасха» – один из главных христианских праздников, установленный в честь воскресения Иисуса Христа из мертвых, а эмоциональные коннотации данного праздника – это сопутствующие празднику эмоции и чувства: радость и ликование, надежда на жизнь вечную, потому что Христос воскрес из мертвых, и как поют в православных храмах: «Смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав». Пасхальные образы – крашеные яйца, куличи, мясные блюда – символизируют, с одной стороны, изобилие и сытость, с другой – духовное возрождение, воскресение. Пасха в сознании верующих связана с положительными эмоциями, добрыми переживаниями, ассоциируется с состоянием легкости, счастья и всеобщей любви.

Эмотивность (или эмотивная коннотация) православных праздников тесно сочетается с понятием «религиозные чувства». Это эмоциональное отношение верующих к предметам, явлениям, событиям, как к чему-то сакральному, божественному и священному. С религиозными чувствами могут соединяться и другие человеческие эмоции: скорбь, грусть, любовь, благоговение, надежда, страх и т.д.

Переселенцы присваивали новым территориям на Дальнем Востоке названия тех мест, из которых мигрировали. Это находит отражение в топонимике региона: сёла Воронежское, Вятское, Забайкальское, Нижнетамбовское, Орловское, Пермское, Самарское, деревни Астраханка, Екатеринославка, Полтавка, Томская, Черниговка и др. [3].

Вместе с названиями за селами и деревнями закреплялся святой покровитель, именно его переселенцы считали своим заступником перед Богом, в честь него строили храм, а престольный (храмовый) праздник – праздник в память святого или события, которому посвящен сельский храм. Престольный праздник, как и Пасха, был одним из главных праздников [4]. «ПРЕСТО́Л, а, м. Устар. *Престольный праздник в день святого, в честь которого построена церковь данного села, места.* Мы в нашей деревне Николин престол хорошо отмечали. В каждой деревне свой престол был» [1. С. 345. Далее указаны страницы по этому изданию].

Престольный праздник на селе назывался еще «годовым праздником», в тот день было запрещено работать, полагалось наряжаться, надевать на себя все самое лучшее и готовить разные, соответствующие событию кушанья: «ГОДОВОЙ ПРАЗДНИК. Устар. 1. *Совершающийся один раз в год, ежегодный праздник.* Выходные только к годовым праздникам. Это в праздник годовой дадут надеть эти туфли. К годовым праздникам брали сахар» (88).

Церковный ритуал требовал, чтобы в престольные праздники совершался крестный ход с крестами впереди себя (отчего и пошло название

этого торжественного шествия), с престольными иконами, с хоругвями, которые пронесли, обойдя сначала против часовой стрелки храм, то есть против движения солнца – «противосолонь». Затем с чтением молитв и пением шли по всей деревне, окропляли святой водой дома, колодцы, поля, домашний скот. Престольную икону заносили в каждый двор, там уже стояли столы с заготовленными продуктами и водой, которые освящали. На престольный праздник всегда съезжались гости: родственники, друзья: «ВСТРЁТЕНЬЕ, я, ж. *Религиозный праздник Сретенье. У нас в Кедрово престольный праздник был встретье. Второго февраля по-старому встретье, вся родня приезжают из городу*» (73).

К престольному празднику серьезно готовились. Мыли окна, белили в доме, скоблили пол, всё приводили в порядок. Старались украсить жилище: «ГУМА́ГА, и, ж. 1. *Бумага. Сейчас шторы на окнах, а раньше на праздник из гумаги из белой вырезали. В субботу украшают дом, гумагу режем*» (101); «МОСТ, а, м. 1. *Пол. Мост не крашенный был, перед праздником его чисто выскабливали*» (246). Женщины старались сшить что-то нарядное, красивое, купить обнови: «КАЗА́ЧКА, и, ж. *Устар. Женская кофта в талию с буфами на плечах и узким рукавом. Раньше мы в казачках ходили. Это така кофта в обтяжку. Девки на праздник казачки надевали. Казачки – кофты, их изрежут все, как клинушками*» (170); «САРАПИНКА, СЕРАПИНКА, и, ж. *Легкая хлопчатобумажная ткань в клеточку или в полоску; сарпинка. К празднику олочи сошьют, сарапинки купят на платье. Сарапинку аршинами брали, быват в полоску. Раньше сарапинкой называли, а счас – шотланка. Сарапиночки выдавали помаленьку, на плаття, на платочки*» (381); «ТАТЧИНА, я, ж. *Однотонный материал типа коленкора. Из татчины платья в праздники шили*» (435); «ФАЙШО́НКА, ФАЛЬШО́НКА, и, ж. *Устар. То же, что косинка в 1-м знач. Файшонки – это косыночки белые, чёрные, с зубчиками по краям, кружевные. На праздник я файшонку надену и на гулянье иду*» (461).

На праздники пекли хлеб, пироги, печенье из лучшей муки: «ВАЛЬЦО́ВКА, и, ж. *Мука высшего сорта; крупчатка. Из пшеницы делали вальцовку, называли сеянкой и вальцовкой. Раньше вальцовку по большим праздникам только ели, а теперь каждый день белый хлеб. Вальцовка раньше шла только на печенье*» (52). Праздничный стол старались сделать богатым, чтобы накормить вволю и напоить всех гостей. Обед готовили с вечера или раннего утра в день праздника. Словарь русских говоров Приамурья фиксирует множество лексем-названий праздничных блюд из муки, изделий из теста. Это свидетельствуют о том, что женщины Приамурья любили и умели хорошо готовить. Выпечка была самая разная, например: «МАКОВЕ́Й, я, м. *Церковный праздник Первый Спас? А на Маковой пекли коржи с маком*» (132); «СТРЯ́ПКИ, пок, мн. *То же, что стряпушки. На праздник стряпки пекли, неплохие они были,*

каралички и булочки» (426); «ФИНТИКЛЮШКА, ФИРСТИКЛЮШКА, и, ж. Пренебр. *Изделие различной, чаще замысловатой формы. Яришный хлеб пекли, а ешёо тáрочки, да всяки финтиклюшки. Еше различных финтиклюшек напекёшь из теста к празднику всяким*» (463); «ЧИНЁНКИ, ок, мн. *Пирогы с начинкой. Чинёнки на праздники пекли. Это пироги с начинкой. Они большие, на всю сковородку*» (484).

В престольный праздник существовал обычай потчевать всех, кто заходил в дом, всех старались досыта накормить и вдоволь напоить. Обильные застолья сопровождались неторопливыми беседами, обменом новостями, пением, веселыми играми, плясками: «ВЫЧЁКИВАТЬСЯ, ю с ь, еи ь с я, несов. *Выплясывать, вытанцовывать*. На праздники только знаешь вычёкиваться, выбивáшь» (81). «По праздникам полечку, краковяк, дестеп, гопад танцевали» (101).

В Словаре русских говоров Приамурья встретились такие названия престольных праздников, как Митревка, Кирика, Кирики Улиты: «МИТРЕВКА, и, ж. Устар. *Религиозный праздник в честь св. Дмитрия. У нас была казанска, у них – митревка, а масленку все праздновали*» (241); «КІРИКА, и, ж. Устар. *Религиозный праздник – день Кирилла и Улиты – 15 июля по старому стилю. Завтра Кирика будет – грозный праздник. Прокопьев, Кирика, Ильин – это грозный праздник; КІРИКИ УЛІТЫ. То же, что Кірика. Скоро будет Илюха, потом Кирики Улиты*». День Святых Кирилла и Улиты называли грозным праздником: «ГРОЗНЫЙ, ая, ое. *Обильный грозами; грозовой*. Давеча гремел-то как шибко: сейчас такой месяц грозный. Кирика Улита – грозный праздник, работать нельзя, грозы бывают в этот день» (100).

Кирик и Иулитта (Улита) – раннехристианские святые мученики. В православной церкви их память отмечается 15 (28) июля. Святая Иулитта (Улита) – молодая знатная вдова, жившая в Иконии с трехлетним сыном Кириком. Опасаясь гонений Диоклетиана на христиан, они покинули свой дом в сопровождении двух рабынь. В Тарсе Иулитта была узнана и приведена с сыном на суд градоначальника. Мать и дитя пытали, безрезультатно заставляя отречься от христианской веры, затем ребенок был сброшен с каменного помоста, а вдове отсекли голову. Тела Иулитты и Кирика были тайно погребены рабынями Иулитты. Позднее их мощи были обретенны, по указанию одной из рабынь, в честь этих святых мучеников построены монастыри и храмы.

Особенно почитали этих святых старообрядцы. Они отождествляли гонения Иулитты и Кирика со своими вынужденными скитаниями.

Переселенцы на Дальний Восток не только осваивали его огромные территории, но и несли свою культуру, традиции, духовные ценности. Отстраивали храмы, часовни, отмечали церковные праздники.

Работать в праздники строго запрещалось. Считалось, например, что если пахать и сеять на Николая Вешнего (Николая Летнего) –

9 (22) мая – урожая не будет. «Никола Вешний» – народное название христианского праздника, установленного Русской православной церковью в честь перенесения мощей святого Николая Чудотворца в город Бари в конце XI века. Нельзя было работать и на «подкопённую», поскольку гнев божий мог наслать пожары: «ПОДКОПЁННИЦА, *ы, ж.* Устар. *Религиозный праздник в честь богородицы (?)*. Кодá подкопённая – стога разбивáт. Говорят: “Куды едешь, подкопённая сёдни”. В июле подкопённая будет, сердитая богородица: копны, зароды разворáчивает, часто загорались зароды» (324). Возможно, что в приведенном контексте речь идет о православном празднике иконы Казанской Божьей Матери, выпадавшем на 21 июля.

С приходом советской власти на Дальний Восток запрет на работы в престольные праздники был снят, однако богобоязненность у сельских жителей Приамурья сохранилась: «Прокопьев день – годовой же праздник, тоже грозный, с его начинают хлеб жать. Шибко уж грозный праздник. Убило в грозу. В грозный праздник нельзя работать: Петров день, Кирики и Улиты, Ильин день» (100).

Церковные каноны и народная обрядовость православных престольных праздников были завезены на Дальний Восток из разных мест России, Украины, Белоруссии. В Приамурье со временем стала доминировать славянская составляющая [5]. Праздники невидимой нитью связывали переселенцев с покинутой родиной, заглушали тоску по ней, давали ощущение стабильности. Ритуал празднования позволял верующим, по большей части неграмотным, не умевшим читать церковные книги, быть приобщенными к религиозной жизни прихода, переживать глубокие религиозные чувства и эмоциональный подъем, испытывать веру в очищение и божественную помощь при условии соблюдения церковных обрядов. Праздники давали верующим ощущения, сходные с теми, которые вызывает искусство, нечто вроде катарсиса, поскольку считалось, что сверхъестественные силы, к которым были обращены служения, способны были защитить от бед, исправить любую, казалось бы, безвыходную ситуацию, утихомирить боль, превратить страдания в радость, смерть в воскресение. Верующий всегда счастлив, поскольку с ним Бог, что гарантирует благополучный исход любому событию [6].

Таким образом, престольные праздники для жителей Приамурья были не только желанным отдыхом от трудов, они приносили радость во всех ее проявлениях. После посещения храмов и крестного хода в городах и селах Дальнего Востока устраивали ярмарки, массовые гулянья, игры, хороводы, песнопения, танцы. Праздники сопровождалась всеобщим подъемом настроения, беззаботным весельем. Жители Приамурья в эти дни были сыты и довольны, нарядны и благодушны, занимались благотворительностью, чтили предков, дарили подарки родным и друзьям.

Литература

1. Словарь русских говоров Приамурья / О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путьгина, Н.П. Шенкевец. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск, 2007.
2. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 232.
3. *Рябинина Н.И.* Русские говоры Дальнего Востока [Текст]. Комсомольск-на-Амуре, 1996.
4. *Белова О.А.* Праздник престольный, сельский // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 4. С. 240–241.
5. *Оглезнева Е.А.* Языковая ситуация в Дальневосточном регионе России: динамика славянской составляющей [Текст]. Вестник Томского государственного университета. Вып. № 356. 2012. С. 33–38.
6. *Орлов О.Л.* Российский праздник как историко-культурный феномен. Дисс. ... докт. культурологии. СПб., 2004.

*Дальневосточный государственный
гуманитарный университет
Хабаровск*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала принимает статьи не более 10 страниц с аннотацией и ключевыми словами (размер шрифта 14, через полтора компьютерных интервала). Материал должен быть подан на бумажном и электронном носителях.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Посылать статью со сведениями об авторе следует по адресу: 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

Присланные материалы не возвращаются.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Подписка на журнал «Русская речь» (индекс 70788) принимается в отделениях связи.

По вопросам льготной подписки обращайтесь в редакцию, тел.: (495) 695-27-35.

Сведения об авторах можно получить в редакции журнала «Русская речь».
